

УДК 8.091

АРХИВ Р. Г. НАЗИРОВА КАК СИСТЕМА И МОДЕЛЬ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**© Б. В. Орехов^{1*}, С. С. Шаулов²**

¹Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Россия, 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Тел.: +7 (495) 771 32 32; факс: +7 (495) 628-79-31.

Email: nevtmenand@gmail.com

²Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. З. Валиди, 32.

Тел./факс: +7 (347) 273 68 74.

*Email: sschaulov@gmail.com

Архив Р. Г. Назирова анализируется в содержательном и структурном аспектах. Выделены три семантических центра, каждый из которых связан с тематическим и количественным расширением материалов. Это труды по Достоевскому, истории фабулы и, наконец, мифологии. Определены структурообразующие свойства творческого мышления Назирова: внеиерархичность обращения к культурному материалу, тематическая всеядность, многослойность субъекта, сочетающего роли «литератора» и «ученого», принципиальный и последовательный историзм. Архив в итоге предстает как детальная и тотальная дескриптивно-аналитическая модель индивидуального осмысления мировой культуры.

Ключевые слова: архив, структурное описание культуры, мировая культура.

В качестве неформальной вводной части скажем, что при работе с архивом Ромэна Гафановича Назирова идея Достоевского и идея мировой культуры действительно оказываются ключевыми и, как следствие, постоянно востребованными.

Переходя уже к собственно содержательному разговору, выскажем в большой мере очевидные, но необходимые в данном случае соображения. Изучая архив Назирова как систему, мы сознаем, что систему по большому счету представляет собой любой архив. Любой архив не случаен: его состав и отношения между его частями обусловлены интересами и самой цельностью личности составителя, историческими обстоятельствами, которые заставляют последующих хранителей архива изымать из него документы (реже – добавлять), менять их порядок или каким-то еще способом воздействовать на внутренние отношения между элементами. Сошлемся здесь для иллюстрации хотя бы на работы Елены Вишленковой об истории формирования университетских архивов [1].

Так вот мы будем говорить не об этих очевидных соображениях, не будем доказывать, что архивные документы, составляющие письменное наследие Р. Г. Назирова, представляют собой системное явление. Мы сразу перейдем к описанию параметров и свойств этой системы.

Есть разные вертикали, с помощью которых можно структурировать архив. Среди них формальные (датировка, форма носителей, почерка, мы писали об этом в недавней статье «Текстология назировского архива»). Но гораздо системнее было бы представление содержимого по семантической и идеологической вертикали. К ней мы и обратимся.

Оставшийся после Р. Г. Назирова архив – вещь совершенно нетривиальная. Нам уже несколько раз

приходилось о нем писать [2–4], но почти исключительно с содержательной точки зрения. Особняком стоит статья Б. В. Орехова «Текстология назировского архива» [4], но и в ней показаны только принципы описи архива, а содержательная его структура почти не комментируется.

Действительно, набор тем, которым посвящены дела в архиве, в чем-то ожидаем, в чем-то совершенно удивителен. Так, для доктора филологических наук закономерны многочисленные записи, посвященные истории русской и мировой литературы, теоретическим и методологическим вопросам гуманитарной науки, черновики и беловики статей и монографий на эти темы. Не слишком впечатляют косвенно соотносящиеся с основным кругом исследуемых вопросов, но в общем смежные с ними серьезные научные разработки об истории Польши, истории папства, страноведческие записи о французских провинциях. Но вот архивные единицы об истории математики (оп. 1, д. 6), тибето-бирманских народов (оп. 1, д. 26) и ислама (оп. 3, д. 134) уже вызывают удивление. Конечно, эта непоследовательность мнимая и легко разрешается при более подробном знакомстве с интересами и образом мысли Р. Г. Назирова.

Однако специального внимания, как представляется, заслуживает не только «план содержания», но и структура этого объекта.

При знакомстве с назировским наследием неизбежны ассоциации с Борхесом. Во-первых, параллели видны на уровне стиля. Не уникальное для этих двух, но все же вполне узнаваемое свойство иллюстрации тезиса множеством примеров из разных культур и эпох: «В представлениях палеолитических охотников съедение убитого животного ничуть не препятствовало его возрождению; нужно

лишь сохранить в целости его кости. Таков исходный смысл русской поговорки: “Были бы кости, а мясо нарастет”. В фольклоре вайнахов есть сказания о хозяевах леса, которые оказывают гостеприимство заблудившимся охотникам и оберегают дичь. <...> Сходные представления сохранились в греческом мифе о Девкалионе и Пирре – единственных людях, спасшихся от потопа <...>. Многие другие народы тоже считали камни “костями земли”. Е. М. Мелетинский, приведя соответствующую легенду качинов (одно из тибето-бирманских племен), указывает, что она “отражает магический обряд “посева костей”” <...> Быть может, не случайно оссуарии наблюдались у тех же тибето-бирманских племен еще в XIII веке: правда, не у качинов, а у тангутов, северо-восточных тибетцев, царство которых китайцы называли Сися (руины его столицы Хара-Хото открыл русский географ П. К. Козлов). Праздничное жертвоприношение барана у тангутов описал Марко Поло...» [5, с. 28–29]. Ср. это с первым эссе Борхеса о Данте: «Стивенсон (глава о снах) замечает, что в детстве его мучили сны Отвратительного бурого цвета; Честертон (“Человек, который был Четвергом”, VI) вообразил, что на западной границе мира возможно дерево, которое и больше, и меньше, чем дерево, а где-то на востоке – башня, злобная по самой своей архитектуре. Эдгар По в “Рукописи, найденной в бутылке” говорит о южном море, где корпус корабля растет, как живое тело; Мелвилл посвящает много страниц “Моби Дика” описанию ужаса перед нестерпимой белизной кита...» [6, с. 132].

Во-вторых, велик соблазн окрестить опись назировского архива «Вавилонской библиотекой»: настолько неожиданно разнообразны значащиеся (и, как и должно, соседствующие) там пункты (оп. 2, д. 1–5):

- Турция – история народа и культуры.
- Мир ислама (арабы и мусульманский Иран, Коран, «Шахнаме», «1001 ночь»).
- Франция. Филипп IV Красивый и его наследники, его эпоха, Столетняя война.
- Отчуждение (статьи Давыдова и Великовско-го). Отчуждение и человек (статья Огурцова).
- Медицина (шизофрения, эпилепсии, циркулярный психоз и т.д.), новые проблемы психологии. Наркомания.

Этот список легко сравнить с характерными пассажами Борхеса, который приводит в качестве примера книг библиотеки подробнейшую историю будущего, автобиографии архангелов, верный каталог библиотеки, тысячи и тысячи фальшивых каталогов, доказательство фальшивости верного каталога, гностическое Евангелие Василида, комментарий к этому Евангелию, комментарий к комментарию этого Евангелия, правдивый рассказ о твоей собственной смерти, перевод каждой книги на все языки, интерполяции каждой книги во все книги, трактат, который мог бы быть написан (но

не был) Бэдой по мифологии саксов, пропавшие труды Тацита.

Но если в Вавилонской библиотеке был центр (библиотека Борхеса концентрична, вернее, повествователь хочет видеть в ней концентрическую конструкцию; Борхес специальное место уделяет поиску ее семантического центра, «каталога»), то у Назирова он тройственен. Список из трех тематических центров тяготения выглядит следующим образом: 1. *Достоевский*; 2. *История фабулы*; 3. *Миф*. Возможно, при более глубоком проникновении в принципы творческой лаборатории Назирова будет возможно установить и какой-то общий для этих трех единый протоцентр (собственно, о видимых для нас «макросвязях» мы дальше скажем). Но на данный момент, кажется, считать такое деление атомарным – наиболее соизмеримое реальному положению вещей решение. Вокруг каждого из этих центров организуется своего рода протопланетная система: прямо и косвенно относящиеся к ним рабочие материалы, выписки, черновики.

Отвлекаясь на минуту от материальности архива, скажем, что настоящий центр назировского универсума не связан с конкретной рукописью, этот центр есть желание тотального осмысления мировой культуры в ее исторически разворачивающемся единстве. Само осмысление – это то поле тяготения, которое объединяет вокруг себя разнородные семантические категории и многоэлементные наборы фактов. Центр назировского интеллектуального мира – интенция тотального интеллектуального поиска и тотального же исторического систематизирования. Однако в собственно научном творчестве это универсальное стремление к познанию неизбежно структурировалось вокруг нескольких центров.

Достоевский был одним из главных интересов Р. Г. Назирова, интересом для внешнего наблюдателя центральным и основным. Что касается самого ученого, то дело обстоит не столь однозначно: судя по ранним документам архива (в частности, дневнику 1951–1971 гг., а также содержанию рукописей этого времени), Назиров долгое время не считал Достоевского своей главной темой и вообще не был полностью сосредоточен на научной работе, видя себя, скорее, литератором, чем литературоведом. Однако архив в его полном виде, конечно, в значительной степени ориентирован на Достоевского. Эта часть архива весьма обширна: в нее входят изданные и неизданные тексты, многочисленные разработки от темы цвета в произведениях Достоевского до подробного систематического описания эпохи и среды писателя. Это наиболее внутренне цельный логически выстроенный сегмент архива.

История фабулы, в центре которой текст докторской диссертации «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе» (существующий в архиве помимо более-менее финальной машинописи также и в виде нескольких черновых вариантов), очевидно, свя-

зан с углубленным осмыслением ключевых фигур, рассмотренных в этой диссертации (собственно, Пушкин и Гоголь, а также воспринявшие их традиции Тургенев, Толстой, Чехов и т. д.), что нашло отражение в многочисленных рабочих материалах-конспектах с изложением биографии, обобщений в области поэтики и сюжетики этих писателей, а также с целым роем дополнений, заметок и маргиналий, часто имеющих авторскую помету: «в дополнение к главному труду» с указанием страницы. Собственно, Пушкин и Гоголь в названии и замысле этого главного труда не случайны и явственно связаны с первым названным нами центром. Определить через динамическое соотношение Пушкина и Гоголя можно только одного писателя. Синтез их традиций как раз вычисляется как Достоевский.

Иное качество дает тема мифа. Заметим, что от 1-го к 3-му пункту масштаб темы вообще растет скачкообразно. Миф покрывает огромную часть выписок и тетрадных пачек, концентрирующих колоссальный набор данных о мифах почти всех народов и эпох и о мифе как фундаментальном принципе культуры. Собственно, в совокупности эти тетрадные записи излагают всю историю мировой культуры через призму мифа. Это довольно существенная часть архива, к которой могут быть отнесены десятки дел из описи. При этом миф сложным образом вбирает в себя и Достоевского (XXI глава в монографии о мифе называется «Мифы и прозрения Достоевского»), и историю фабулы («Фабула – выражение национального мифа», – говорит Назиров в рукописи, очевидно, предназначенной для выступления на защите).

Протопланетные системы вокруг названных тематических центров устроены неодинаково. Если для фабулы и мифа источниками тяготения служат вполне очевидные рукописи итоговых трудов («Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул» и «Становление мифов и их историческая жизнь»), то на роль главной работы о Достоевском могут претендовать сразу несколько вершинных текстов. В их числе опубликованная монография «Творческие принципы Ф. М. Достоевского», связанный с ней курс лекций «Достоевский. Проблематика и поэтика», а также незавершенный труд «Этюды о Достоевском». Какой из этих текстов «сильнее», пока неясно, а может быть, и сам вопрос, поставленный так, был бы поставлен неудачно, потому что этот фрагмент пространства назировского архива попросту может быть (и, скорее всего) лишен единоначалия. Если продолжать астрофизические аналогии, эта система представляет собой не привычную нам планетную систему с одной массивной звездой в центре, а более редкий, но вполне распространенный тип планетной системы с взаимно обращающимися двойными или даже тройными звездами.

История фабулы и миф сильно противопоставлены друг другу по структуре. Если для дис-

сертации о традициях Пушкина и Гоголя мы знаем множество сохранившихся черновиков и сопутствующих работ, представляющих ответвление основной темы (например, самостоятельную монографию об усадьбном сюжете, ср. главу I, § 1 «Роман русской усадьбы» в диссертации), то черновики «Становления мифов» до нас не дошли, т.е. на ближайших орбитах пусто. Зато на некотором удалении от текста монографии мы наблюдаем чрезвычайно плотное скопление заметок, выписок, справочных сводов и научных трудов разного характера, объема и степени законченности.

Здесь не место для объяснения феномена сохранности черновиков. По всей видимости, он был связан с представлениями о завершенности работы над текстом. Однако почему уже обсуждавшуюся и в Ленинграде, и в Уфе диссертацию Назиров считал достаточно «сырой», чтобы сберечь множество черновиков, очевидно, предполагая вернуться к ее доработке, а никому не показывавшееся «Становление мифов», в отличие от диссертации не существующее в машинописном (финальном для творческой истории текста) виде, уже достаточно готовым, чтобы избавиться от черновиков, не ясно.

Однако свойства системы назировского архива описываются не только концентрической моделью силовых линий, протянутых от центра к периферии. К числу других важных свойств мы бы отнесли следующие:

- *Внеиерархичность*; прежде всего, речь идет о внеиерархичности представленной в архиве информации. При этом следует учесть, что дело не в отсутствии иерархии, приводящей к аморфности. Дело в отключенности *привычного* ценза на значимость, на оппозиции «высокого» и «низкого». Посвятив основное место значимым текстам культуры, Р. Г. Назиров коллекционировал информацию, которую можно отнести к бытовой истории и историческим анекдотам. Выписка, содержащая год изобретения замка-молнии, занимает в структуре архива полноправное положение наряду со сведениями, относящимися к философскому осмыслению елизаветинской драмы. Таким образом, бытовая деталь и философское обобщение приобретают в архиве Р. Г. Назирова равноценную телеологичность, служа общей цели осмысления мировой культуры. Таким образом, эта внеиерархичность далека от постструктуралистской, т.к. не отказывается от ценностного параметра. С другой стороны, такая «внеиерархичность» неизбежно предполагает выстраивание новой иерархии культуры (с отменой и корректировкой старой), а значит, все-таки лежит в одной плоскости с модернистской программой ревизии мировой культуры и выстраивания ее новой модели. Неслучайно, научная мысль Назирова обнаруживает тесное родство и своего рода полемическую преемственность с русской формальной школой, о чем нам уже приходилось говорить и писать [7].

• *Тематическая всеядность* в чем-то близка названной выше внеиерархичности, но не тождественна ей. В какой-то мере мы уже говорили об этой всеядности, отмечая интерес и к истории математики, и к истории народов Тибета. За тем, каким областям посвящены в архиве Назирова специальные дела, стоит своя внутренняя драматургия. Так, при жизни профессора и коллеги, и ученики были убеждены в отсутствии с его стороны какого бы то ни было интереса к лингвистике. Увлекавшимся лингвопозитикой ученикам он предсказывал судьбу В. В. Виноградова, которого лингвисты считают литературоведом, а литературоведы лингвистом, и никто не признает в нем своего. За новыми работами в этой области Назиров не следил и в погруженности в проблематику замечен не был. В то же время, как нам явственно говорит архив, Назиров не мог позволить себе не интересоваться вопросом, предварительно в нем не разобравшись. В одном из дел мы обнаруживаем собственноручно составленный им словарь современной лингвистики, включающий как описание основных направлений и школ середины XX в., так и деятельности крупнейших персоналий и терминологический глоссарий.

• *Несбалансированность в приращении черновиков и подготовительных материалов.* Отчасти это свойство системы мы тоже уже упоминали. Мы можем долго изучать соотношение черновых материалов к докторской диссертации, но лишены черновых рукописей к «Становлению мифов». Некоторые художественные произведения имеют до десятка вариантов, а черновики «Творческих принципов Ф. М. Достоевского» не осталось совсем. Есть, правда, предшествующий и частично пересекающийся с книгой текст курса лекций «Достоевский. Проблематика и поэтика», а также ряд недавно обнаруженных в архиве работ о Достоевском («Сюжет и фабула “Преступления и наказания”», «Этическая проблематика “Братьев Карамазовых”» и др.). Однако эти тексты, хотя и входят в орбиту единственной прижизненной монографии Назирова, все же не являются ее черновиками.

• *Многослойность субъекта.* Мы много говорим об артистизме стиля Назирова-ученого и держим при этом в уме его художественные (и прозаические, и поэтические) опыты, между которыми, конечно, масса параллелей. Однако, судя по устройству архива, сам Назиров четко отделил для себя писательские упражнения и научную работу: рукописи того и другого внутри дел не пересекаются. С другой стороны, скажем, в не до конца еще прочитанном нами романе о Пушкине очевидны следы его научных работ, ставших материалом для литературных.

• *Историзм зрения.* В поле научного зрения Назирова ни один объект не предстает изолированным. При этом сложная система связей, в которых он существует, как правило, развернута именно диахронически. Единичное явление показывается как

элемент протяженной во времени целостности. Даже типологические ряды сопоставленных объектов, относящиеся к одному времени, обычно даются Назировым с целью определить общее и особенное в их генезисе. Отчасти это, конечно, обусловлено ориентацией на А. Н. Веселовского, которую Назиров открыто декларировал сам [8, с. 139]. С другой стороны, острый интерес к истории, видимо, был органически ему присущ: так, в юношеском дневнике семнадцатилетний Назиров вынашивает замысел труда об истории французской революции. Этим же историзмом одушевлены и его поздние труды. Так, фабула в его понимании – универсальный инвариант множества сюжетов, периодически реализующий себя в очередном сюжетном варианте. Сами сюжеты, в свою очередь, изменяются в динамике их восприятия и освоения культурой. Фактическая, текстуально явленная история мифа и мифологии в соответствующем труде Назирова предстает как симптом исторического изменения осмысления человека в мире. Вкупе с внеиерархичностью и политематичностью интересов этот историзм не может не породить идеи особого научного жанра *хроники* или *летописи*.

Эта жанровая тенденция в архиве порой заявлена прямо: например, у него есть огромный (сотни рукописных страниц в десятках тетрадей) свод, названный «Летопись XIX века» (точнее, даже две летописи – русская и европейская); принадлежащий перу Назирова большой роман о Пушкине в некоторых черновых вариантах имеет заголовок «Конец александровской эры. Хроника» (оп. 1., д. 79, л. 79–2). Хроникальный характер имеют и материалы по истории Польши, папства.

Но это объясняет и своеобразное движение его научной (литературоведческой и культурологической мысли) в сторону публицистики и философии истории. Возможность органически совместить скрупулезное описание исторических событий и явлений с установлением их внутренней механики и этико-эстетической логики дает только хроникальный жанр. Это же свойство творческого зрения объясняет и тематическую всеядность и внеиерархичность научного внимания.

Итак, назировский архив – это архив, в совокупности представляющий детальную и тотальную дескриптивно-аналитическую модель индивидуального осмысления мировой культуры. Слово «детальный» здесь не случайно, учитывая внимание составителя к деталям и реалиям (ср., например, случай с изобретением замка-молнии выше), но и тотальность не может не броситься в глаза, когда мы видим очерк турецкой или польской истории соседствующим с записями об истории папства. Собственно, можно воспользоваться словами самого же Назирова, который формулирует, что происходит с авторской стратегией Толстого в «Войне и мире»: «мелочность и генерализация» [9, с. 97]. И понять архив Назирова как систему означает ре-

конструировать его понимание мировой истории и собственного места в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильина К. А., Вишленкова Е. А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 329–357.
2. Орехов Б. В. Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Мат-лы региональной научно-теоретической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 115–120.
3. Орехов Б. В. Работа Р. Г. Назирова «Сюжет как компромисс» в архиве ученого (предисловие к публикации) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. №1–2 (43–44). С. 58–60.
4. Орехов Б. В. Текстология назировского архива // Назировский архив. 2013. №1. С. 144–160.
5. Назиров Р. Г. Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР: Сборник статей. Уфа, 1982. С. 28–35.
6. Борхес Х.-Л. Девять эссе о Данте // Вопросы философии. 1994. №1. С. 129–140.
7. Шаулов С. С. «История формализма в литературоведении» в контексте научной мысли Р. Г. Назирова (предисловие к публикации) // Назировский сборник. Исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 63–65.
8. Назиров Р. Г. Автобиография // Назировский архив. 2013. №1. С. 137–139.
9. Назиров Р. Г. Заметка о «Войне и мире» // Назировский архив. 2013. №1. С. 94–98.

Поступила в редакцию 10.07.2014 г.

**THE ARCHIVE OF ROMAIN NAZIROV AS A SYSTEM AND
A MODEL OF WORLD CULTURE****© B. V. Orekhov¹, S. S. Shaulov^{2*}**¹*National Research University Higher School of Economics
20 Mjasnickaja str., 101000 Moscow, Russia.*²*Bashkir State University
32 Zaki Validi str., 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (347) 273 68 74.***Email: sschaulov@gmail.com*

Romen Nazirov's archive is analyzed in a semantical and structural aspect. We identify three semantic center, each of which is associated with thematic and quantitative expansion of materials. These are the works on Dostoevsky, the history of the plot and finally the history of mythology. Dostoevsky was one of the main interests of scientist. Archive in its entirety, of course, largely focused on Dostoevsky. This part of the archive is the most extensive and internally logically built. History of plot is connected with profound comprehension of the key figures discussed in his doctoral dissertation "Traditions of Pushkin and Gogol in Russian prose". This topic is implemented in numerous drafts outlining biographies, generalizations in the field of poetics and plot structure of the Russian classics, various additions, notes, and marginalia. Pushkin and Gogol in the title of dissertation are not accidental and clearly associated with the first semantic center of the archive. The other quality gives the theme of the myth. It concentrates in a huge amount of research, working papers and extracts about the myths of almost all nations and ages, and of myth as a fundamental principle of the culture. Actually, taken together, these entries expound the history of world culture through the prism of myth. We also define textural properties of Nazirov's creative thinking: anti-hierarchical approach to cultural material, thematic omnivorosity, multi-layered subject, combining the roles of "writer" and "scientist", principled and consistent historicism. The archive eventually appears as a total and detailed descriptive analytical model of individual interpretation of world culture.

Keywords: *archive, a structural description of culture, world culture.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Il'ina K. A., Vishlenkova E. A. Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov. M., 2013. Pp. 329–357.
2. Orekhov B. V. Russkoe slovo v Respublike Bashkortostan: Mat-ly regional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii. Ufa: RITs Bash-GU, 2011. Pp. 115–120.
3. Orekhov B. V. Rabota R. G. Dialog. Karnaval. Khronotop. 2010. No. 1–2 (43–44). Pp. 58–60.
4. Orekhov B. V. Nazirovskii arkhiv. 2013. No. 1. Pp. 144–160.
5. Nazirov R. G. Fol'klor narodov RSFSR: Sbornik statei. Ufa, 1982. Pp. 28–35.
6. Borkhes Kh.-L. Voprosy filosofii. 1994. No. 1. Pp. 129–140.
7. Shaulov S. S. Nazirovskii sbornik. Issledovaniya i materialy. Ufa, 2011. Pp. 63–65.
8. Nazirov R. G. Avtobiografiya Nazirovskii arkhiv. 2013. No. 1. Pp. 137–139.
9. Nazirov R. G. Nazirovskii arkhiv. 2013. No. 1. Pp. 94–98.

Received 10.07.2014.